

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора филологических наук, профессора
Кошкаревой Натальи Борисовны

о диссертации Молдановой Ирины Максимовны
«Словообразовательные модели хантыйского глагола:
семантика и функционирование (на материале казымского диалекта)»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности 10.02.02 –
Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские)
(Ханты-Мансийск, 2020. 243 с.)

г. Новосибирск

20.02.2021

Диссертация И. М. Молдановой посвящена глагольному словообразованию в одном из малоизученных в этом отношении казымском диалекте хантыйского языка, который имеет наиболее развитую письменную традицию по сравнению с другими хантыйскими идиомами и преподается в школе. Этим объясняется одна из сторон актуальности рецензируемой работы: помимо собственно научного вклада в теорию глагольной морфологии, которая систематизируется на уникальном языковом материале, результаты исследования необходимы для совершенствования практики преподавания хантыйского языка как предмета школьного и вузовского обучения в условиях угрозы для существования хантыйского языка в целом и его отдельных диалектов.

Новизна состоит в том, что впервые выявлен максимально полный набор словообразовательных глагольных аффиксов казымского диалекта хантыйского языка, насчитывающий 41 единицу, классифицированы свойственные им значения, охарактеризованы модели межкатегориального и внутрикатегориального глагольного словообразования, особенности производящих основ и типовая семантика производных основ.

Теоретическая значимость состоит в структурировании центральной для морфологии подсистемы глагольного словообразования, установлении

системных связей между элементами на основе дифференциальных признаков, позволяющих объединить выявленные единицы в группы на основе общности значений, а группы, в свою очередь, противопоставить друг другу. Морфемика и словообразование казымского глагола получили последовательное и исчерпывающее описание, включающее как формальную, так и содержательную стороны языкового знака.

Результаты имеют широкое практическое применение. Прежде всего, материалы исследования должны войти составной частью в академическую грамматику хантыйского языка, будут востребованы в образовательном процессе как при чтении курсов по хантыйскому языку и уралитике, так и по типологии и теоретической грамматике. Самым важным практическим результатом, на наш взгляд, является возможность использования материалов диссертации для создания словарей, в том числе специализированных – морфемного и словообразовательного, которые содержали бы сравнительные данные по разным хантыйским диалектам. На основе системы значений глагольных аффиксов было бы полезно разработать систему помет для отражения семантических признаков глаголов в толковом словаре. Можно было бы составить список граммем, которые должны быть обязательно отражены в толковании глаголов, чтобы сделать его системным, опирающимся на существенные, а не на случайные признаки, что обеспечит возможность сопоставления толкований разных глаголов, относящихся к одному и тому же лексико-семантическому классу. Желательно было бы разработать список условных обозначений морфем, чтобы упорядочить глоссирование в компьютерных базах данных, которые в настоящий момент активно разрабатываются разными коллективами ученых. Эти обозначения можно было бы использовать и при формализации записей словообразовательных моделей.

Положения, выносимые на защиту, в целом соответствуют целям и задачам. В первом положении охарактеризован количественный состав выявленных морфем. Второе и третье положения посвящены межкатегориальному и внутрикатегориальному словообразованию соответственно. В четвертом

положении охарактеризованы частные значения аспектуальных суффиксов. В качестве отдельного можно было бы вынести положение об особенностях каузативной системы (ср. на с. 43 диссертации представлены лаконичные и исчерпывающие формулировки, соответствующие жанру «Положений»). Следовало бы ввести также положение о специфике казымской словообразовательной системы по сравнению с другими хантыйскими диалектами, которое соответствовало бы задаче 4.

Личный вклад соискателя состоит в том, что исследование проведено самостоятельно на всех его этапах. По материалам диссертации опубликовано 19 статей, из них 6 статей в ведущих рецензируемых журналах перечня ВАК РФ, 2 статьи в журналах баз данных Scopus, Web of Science. Это существенно превышает требования, предъявляемые к кандидатским диссертациям. Только одна статья из этого списка написана в соавторстве с научным руководителем, все остальные статьи написаны лично автором. Диссертация прошла достаточную апробацию на конференциях разного уровня, в том числе международных и всероссийских.

Эмпирическая база исследования максимально полно охватывает имеющиеся письменные источники разного рода: словари, художественные, фольклорные и бытовые тексты, газетные публикации, учебную и научную литературу. Не полагаясь на собственную (очень высокую) языковую компетенцию, автор в сложных случаях консультируется с компетентными носителями языка, представляя в диссертации также и собранные лично новые полевые материалы.

Во Введении в разделе «Эмпирическая база исследования» (с. 7–8) приводится перечень источников, из которых был извлечен фактический материал. На наш взгляд, целесообразнее было бы поместить список источников в конце диссертации после списка литературы. При этом во Введении не сказано, сколько всего глаголов выявлено, сколько контекстов для каждого из них проанализировано. Косвенным образом об этом можно судить по ма-

териалам Приложений, но желательно было бы в данном разделе представить конкретную информацию об объеме картотеки.

Источник, откуда был извлечен тот или иной пример, не указывается, однако такой способ подачи материала оправдан. Для хантыйского языка не существует общепринятых норм орфографии, разнобой столь велик, что нет никакого смысла представлять материалы в оригинальной записи. Поэтому все примеры переведены в финно-угорскую транскрипцию, что упрощает их восприятие, не загромождая текст несущественной для данного исследования информацией.

Достоверность полученных результатов подкрепляется репрезентативными контекстами, которые позволяют верифицировать приписываемые каждой единице значения. Украшением диссертации являются обширные и очень информативные приложения: все суффиксы систематизированы по типам основ, с которыми они сочетаются, указаны их значения, приведен список глаголов казымского диалекта, упорядоченный по типу словообразовательных аффиксов.

Достоверность достигается также применением комплекса адекватных методов и методик, позволяющих проанализировать объект с разных сторон, которые полностью соответствуют поставленным задачам и демонстрируют высокий уровень профессиональных компетенций автора. Регулярно применяется метод количественных подсчетов, который обеспечивает наглядность предъявления результатов. Метод моделирования используется при выделении языковых единиц, морфемный и словообразовательный анализ направлен на выявление их дифференциальных признаков. Сравнительно-сопоставительный метод используется для определения специфики словообразовательной системы казымского диалекта на фоне других финно-угорских языков и диалектов и в целом на более широком типологическом фоне. Особую ценность представляет сбор фактического материала, при котором использовались методы полевой лингвистики.

Теоретической и методологической основой послужил сбалансированный набор фундаментальных исследований в области общей морфологии, типологии, уралистики, глагольного словообразования на примере самых разных языков народов РФ (кроме финно-угорских, также языков других систем, например, алтюторского, шорского и др.). Список литературы включает более 200 работ, в том числе на разных иностранных языках – немецком, венгерском, английском. При этом в списке почему-то отсутствует основополагающий для данной темы «Курс общей морфологии» И. А. Мельчука, хотя ссылка на него в тексте диссертации имеется (с. 98).

Структура работы соответствует целям и задачам. В первой главе формулируются теоретические предпосылки исследования. В разделе 1.1.2 «История изучения глагольного словообразования в уралистике и финно-угорском языкознании» (с. 17–37) автор демонстрирует глубокие познания в области финно-угорской грамматики, приводит обзор работ по морфологии глагола в финно-угорских и уральских языках, что задает необходимый фон для сравнительно-сопоставительного исследования. Недостатком данного раздела является отсутствие внутренней рубрикации: раздел велик по объему, занимает 20 страниц, описание выдержано по принципу «от авторов»: кратко излагается содержание работ, но они не группируются в соответствии с теми вопросами, которые в них решаются с определенных теоретических позиций. Желательно было бы завершить этот параграф обобщением: какие проблемы являются наиболее актуальными для финно-угорской морфологии, какие стандарты описания глагольных значений утвердились, какие лакуны по-прежнему требуют изучения и т. д.

В разделе 1.2. «Понятийный аппарат исследования» лаконично, но вместе с тем информативно вводятся основные термины и понятия. Диссертант придерживается концепции В. А. Плунгяна, в соответствии с которой в языках мира различаются два класса значений – собственно залоговые и значения актантной деривации. Такая теоретическая база впервые последовательно применяется для описания материала хантынского языка, что выгодно от-

личает данную работу от других работ, посвященных глагольному словообразованию и выполненных на материале других диалектов, так как задает теоретический формат описания, позволяющий вписать конкретный языковой материал в широкий типологический контекст.

К недостаткам композиции первой главы относится отсутствие промежуточных выводов по параграфам и итоговых выводов по главе, где можно было бы обобщить сказанное, обосновать выбор собственной позиции. Впрочем, это замечание чисто технического толка, связанное с оформлением текста, а не с его содержанием.

Во второй главе приводятся словообразовательные модели, для которых указана частеречная принадлежность производящей основы, ее обобщенная семантика, а также семантика производных слов, построенных в соответствии с данной моделью. Формулируется значение словообразовательной модели, приводятся исчерпывающие списки глаголов, соответствующие каждой модели. Сомнений в отнесении того или иного глагола к определенной модели не возникает, примеры, иллюстрирующие каждый тезис, позволяют убедиться в точности проведенного анализа и согласиться с позиций автора. Для каждого суффикса приводится разнообразная информация: об истории его происхождения (если такие данные имеются в литературе), о параллелях в других диалектах, что обеспечивает решение сравнительно-сопоставительной задачи исследования, помогает проследить динамику развития словообразовательной системы хантыйского глагола.

Выводы по второй главе могли бы содержать больше информации о словообразовательных моделях, об их специфике, а не только о наборе аффиксов и критериях их выделения, разграничении морфем и алломорфов, что было бы более уместно в разделе, посвященном морфемике, а не словообразованию. В ряде случаев описание морфемики и словообразования тесно переплелась.

В связи с проанализированным содержанием диссертации хотелось бы сформулировать несколько вопросов, многие из которых, по существу, вы-

ходят за пределы проведенного исследования и нацелены на его перспективы.

1) На с. 102 приводится пример: *aλ kuit'sə=pt=ilə* ‘[Старший брат предупреждает]: не напивайся (букв.: не позволяй себе опьянеть)’. Точно ли проведено морфемное членение глагола? Нет ли здесь еще одного аффикса? Если нет, то какое значение передает морфема *=ilə=*?

2) В приложении на с. 179 «Значения словообразовательных моделей межкатегориального словообразования» для модели с суффиксом *=t= / =ət= / =tə=* приводится список значений, который включает значение 3 «Приводить в состояние, которое обозначено основой» и значение 6 «Подвергать состоянию, которое обозначено основой». В чем разница между этими двумя значениями, можно ли объединить их в одну разновидность? Можно ли аналогичным образом укрупнить другие типы значений? На с. 47–52 диссертации, где дается описание данной словообразовательной модели, перечисленный круг значений не совпадает с тем, который приведен в Приложении. Возможно, здесь произошел сдвиг в описании от словообразовательных моделей к значению морфем.

3) С чем связана широкая полисемия аффиксов? Можно ли для каждого многозначного суффикса выявить некоторый инвариант, прототип и представить систему конкретных значений как цепочку или радиальную структуру, в которой разные значения были бы системно связаны друг с другом аналогично тому, как в лексической семантике структурируется система лексико-семантических вариантов полисеманта?

3) Каковы критерии разграничения аффиксов *=ant= / =nt=*, с одной стороны, и аффикса *=ənt=*, с другой стороны? Можно ли признать их алломорфами одного аффикса *=(V)nt=*, в котором неизменным является консонантный фрагмент, состоящий из двух согласных, а переменным – вокалический, в котором могут чередоваться гласные полного образования (*a*), неполного образования (редуцированный *ə*) и ноль звука? Вопрос возникает не только в связи с очевидной материальной близостью этих аффиксов, но и в

связи с одним и тем же набором передаваемых значений: актантная деривация, понижающая деривация, абсолютивное значение. Различие касается частных разновидностей рефлексивного значения: для аффикса $=ant=$ / $=nt=$ указано взаимно-возвратное, а для аффикса $=ənt=$ – рефлексивное, которые, вероятно, можно объединить.

Аналогичный вопрос возникает и по отношению к другим подобным случаям. Так, полностью идентичный набор значений перечислен для аффиксов $=t=$ / $=ət=$ / $=tə=$, с одной стороны, и $=at=$, с другой: актантная деривация, повышающая деривация, транзитивность, каузативность (инвариант можно представить как $=Vt(\partial)=$); для аффиксов $=əptə=$ / $=ptə=$ ($=pat=$), с одной стороны, и $=aptə=$, с другой: актантная деривация, повышающая деривация, транзитивность, каузативность (инвариант можно представить как $=Vpt(\partial)=$); а также для аффиксов $=ś=$ / $=śə=$ / $=əś=$, с одной стороны, и $=aś=$, с другой: актантная деривация, понижающая деривация, абсолютивное, рефлексивное значение (взаимно-возвратное значение, выделенное для серии $=ś=$ / $=śə=$ / $=əś=$, является частным случаем возвратного значения; инвариант можно представить как $=Vś(\partial)=$).

Во всех этих аффиксах консонантная часть остается неизменной, вокалическая часть варьирует однотипно: первый вокальный компонент может быть либо гласным полного образования *a*, либо редуцированным *ə*, конечный вокальный компонент либо отсутствует, либо это редуцированный *ə*.

Какие признаки, характеризующие глагольную основу, предопределяют выбор огласовки этих аффиксов (слоговая структура слова, распределение гласных полного и неполного образования в корне или др.)? Каковы критерии определения морфем и алломорфов? Какое значение для их разграничения имеют гласные полного и неполного образования? Какой из вариантов (с гласным полного образования или, наоборот, с гласным неполного образования) следует признать репрезентантом языковой единицы? Ответ на этот вопрос потребует тщательного исследования хантыской морфонологии, задача изучения которой давно назрела.

4) Каковы типологически значимые параметры словообразовательной системы казымского диалекта хантыйского языка на фоне других хантыйских диалектов и языков других систем? Велик ли состав пересекающихся в разных диалектах аффиксов? Имеются ли уникальные для отдельных диалектов аффиксы? Насколько различаются словообразовательные системы хантыйских диалектов? Есть ли какие-то специфические значения, грамматикализованные в хантыйском языке, но редкие в других языках? Насколько типичны или, наоборот, уникальны подсистемы аспектуальных, каузативных и прочих значений?

5) Как сказывается на способах выражения глагольной семантики наличие превербов, часть из которых также может брать на себя функцию выражения отдельных аспектуальных значений? Можно ли выявить какие-либо закономерности распределения тех или иных аспектуальных значений между превербами и глагольными аффиксами?

В выводах на с. 148 наблюдается некоторый дрейф с описания аффиксов на способы выражения аспектуальной семантики другими средствами – наречиями или превербами. Я не считаю это недостатком работы, думаю, что это начало описания функционально-семантических полей хантыйского языка.

Безусловным достоинством работы является то, что она написана носителем языка, тонко чувствующим оттенки смыслов, различающим мельчайшие нюансы, способным при этом подняться на уровень абстрактных обобщений, сформулировать теоретически релевантные признаки выделяемых классов единиц. Изложение выдержано в рамках строгого научного стиля, отличается ясностью, последовательностью, тщательностью проведенного анализа, аккуратностью предъявления языкового материала. Диссертант продемонстрировал умение работать с большими массивами языковых данных, проводить классификационные процедуры на непротиворечивых основаниях, логично формулировать дифференциальные признаки, лежащие в основе классификации, делать теоретические обобщения.

Автореферат и публикации полно отражают содержание диссертации.

Диссертация И. М. Молдановой «Словообразовательные модели хантыйского глагола: семантика и функционирование (на материале казымского диалекта)» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение актуальной задачи, связанной с описанием хантыйской морфологии. Полученные результаты вносят заметный вклад в такие направления современной филологии, как морфемика, словообразование, лексикография, финно-угроведение, сравнительно-сопоставительное изучение языков. Работа отвечает требованиям, установленным в пунктах 9–11 «Положения о присуждении ученых степеней» (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013, № 842), а её автор, Ирина Максимовна Молданова, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские).

Главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук,
доктор филологических наук (специальность 10.02.20), профессор

Кошкарева Наталья Борисовна

20 февраля 2021 г.

koshkar_nb@mail.ru

специальность 10.02.20

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
630090, г. Новосибирск, ул. академика Николаева, д. 8

Телефон / факс: +7 (383) 330 15 18

Электронный адрес: ifl@philology.nsc.ru

Страница в интернете: <http://www.philology.nsc.ru/>

